

Шостакович

Судорожными пальцами,
Рывками, словно к кляпчику,
Прикасаются к очкам
И не может ни им,
Ни рукам своим
Найти место.
Большой и мизинец
Трогают дужки очков,
Словно берут окулаву.
Шостакович ежится, сутулится,
Словно знобит его,
Он не смотрит на нас,
Потом поднимает глаза пугливо
И сквозь щелки, сквозь стекла
Покаляюще глядит на нас
И словно бы не узнает.
Скоротворкой, со странными паузами
Он обращается к ученику своему,
Моему другу Болдыреву,
С молодым лет седому человеку:
- Игорь Георгиевич, все удачно.
Очень удачно.
Да, да, да.
Есть над чем поработать,
Но не увлекайтесь.
Доработками. Переработками.
Иначе всю жизнь.
Будете писать. Одно. Сочинение.
Расточительно это!
Осуществляйтесь в следующем опусе.
- Понимаю, Дмитрий Дмитриевич.
Шостаковича зовут к телефону.
- Интервью?
Нет! Нет! Нет!
Он любит короткие слова
Повторять резко. Трикраты.
- Да, формалист.
Да, сумбур вместо музыки.
Да, черт знает что...
Так и пишете!
Слова будто он отрывает от сердца
И - отбрасывает.
Кладет трубку, просит прощения.
Трастет наши руки.
Так. Так. Так.
Потом поворачивается к нам спиной.
Сонувшись, что-то записывает
На клочке потного листа
На подоконнике. Доло.
Подходит к роялю.
Мы слышим, возможно,
Только, что сочиненное.
Ушел в музыку, в ее стихию.

Он где-то вокруг нас.
Сидит, не дышит.
Шостакович за был о нас.
Как хорошо, что забыл.
Лучше бы долго п. вспоминал.
Но словно бы просыпается,
Или выходит из облака,
Или из моря.
Лоб разглаживается,
Зрачки увеличиваются,
С улыбкой расправленной и виноватой
На искривленных губах
Снова пожимает нам руки,
Трастет их, оттягивает кизу.
Рад. Рад. Рад.

Пришвин

Неужели же напрасно тысячелетиями
проникнул соловей в сад?

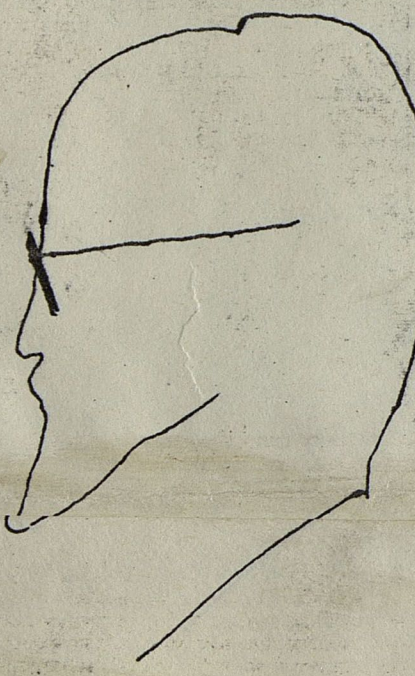
М.П.

Мне нравился образ жизни
Этого человека.
Ранней весной он с Юга
Передвигался на Север.
С ним утверждалась погода,
С ним начиналась охота.
Однажды его попросили
Выступить на конференции
В задымленном папирасами
И словесами клубе.
- Друзья, хочу вас поздравить:
Вчера грачи прилетели.
Некоторые устыдились,
Что заняты непотребством,
Большинство свое продолжило
Как ни в чем не бывало:
И покуривали, и покрикивали,
И покривлялись, и потели.

Всю жизнь я читал Пришвина,
Как пьют родниковую воду.
Русская речь его выбрала
Своей верной защитой.
Он был певцом не одних весны,
Весны света, весны вод,
Весны травы, весны чьей чека.
Думаю: неужели
Живет в нашу эпоху
Где-то рядом с нами
Такой человек, как Пришвин.
И мне захотелось к Пришвину
В Дунину, под Московою.

Все исполнится в жизни,
Если сильно захочешь.
Исполнится, только не сразу.
Я видел его трижды:
В редакции и на улице
И на его юбилее.
Но вот неожиданный случай.
Редактор журнала "Октябрь",
Где я в ту пору работал,
Федор Панферов зычно
Провозгласил на собрании:
- Пришвин закончил повесть
Или роман-сказку,
Как это сам называет,
Давайте его попросим
Нашему даму журналу.
Молчание - знак согласия.
Видимо, прыгнул зайчик,
Ответ майского солнца,
Мне в глаза и на щеки.
Что-то во мне загорелось,
Похожее на удачу,
Но ни слова я не промолвил.
Панферов ко мне обратился:
- Ты чудак или любишь,
Тебе вот и карты в руки.
Поезжай-ка к Михаилу Михайловичу
И рукопись привези нам...
Из боржомной бутылки
Панферов налил горячего
И выпил залпом и хрустнул
Отурчником на закуску.

Дунину - это раздолье,
Это лугов разнотравье,
Это вольному воля,
Когда владычит беспарывье.

Это прозрачен воздух,
Это в гости все звезды
С темного небосклона.
Веранда многооконно
На мир окрестный глядела,
На широкое поле заречья,
На Млечный путь без предела.
Дом, озвученный русской речью,
Стоял передо мною,
Окаймленный голубиной.
- Михаил Михайлович дома?
- Где-то вблизи от дома,
Наверно, по берегу ходит.
Может быть, подождете?
Пойдите, если хотите,
Сказала Валерия Дмитриевна
Спокойно и домовито.
Я сошел к берегу
По зеленому склону.
Во второй половине мая
Запел соловей, значит,
Берега листок пустился.
Соловей тогда поет,
Когда может росы напиться
С березового листка.

Я увидел Пришвина издали.
На пенке удобно сидел он,
Хрестоматийный Пришвин,
С тетрадкой на коленях.
Рядом бегала Жулька.
Я стоял в отдалении,
Приблизиться не смей
К творческому человеку.
Не знаю, долго ли длилось
Это мое стояние.
Пришвин встал, оглянулся,
Поднял свою тетрадку
И медленно двинулся к дому.
- Вы приехали к соловьям!
- Сказал Михаил Михайлович.
- Это к добру! - и руку
Протянул мне навстречу.
- Можно сажать картофель,
Черемуха зацветает.
- И после неловкой паузы:
- Ваше лицо мне знакомо.
Не в "Огоньке" ли встречались?
Валерия Дмитриевна помнит,
У нее хорошая память.

Провел и весь день в Дунине
До самых сумерек синих
И в парусиновой сумке -
Накормлен, облакан,
Избыток тревога -
Увез роман-сказку
"Осударева дорога".
Какой день! Какая удача!
Думаю, радуясь, чуть не плача.
Я видел близко его лицо,
Овеянное ветрами,
Видел руку, написавшую "Жень-шень",
"Кащееву цепь", "Лесную капель",
Видел глаза благородства
Такого держкого и такого застенчивого.
Несколько дней я ходил по земле
Счастливейшим человеком.
С каким трепетом рукопись Пришвина
Я положил на редакторский стол!

Прошло три дня. Рукопись отклонили.
Как так? Почему? Мне не сказали.
Но когда попросили меня поехать
В Дунину и вернуть рукопись,
Прихватив с собой букет цветов,

Довженко

Прихожу, не успевая о встрече.
- Можно?
- Можно. Еще не вечер.
Заходите, разворошим
Наших мыслей вечерний улей.
Он сыпал образами,
Не придумывая - иначе не мог.
Голова на оленьей шее
Поднята высоко,
Крутая синяя седина,
Лоб, нос, подбородок,
Красный загар -
Резьба по дереву
Местных пород.
Пахарь? Художник?
Кобзарь? Пчеловод?
Вся жизнь
Оплетена кинолентами,
И разносными статьями,
И убогими стихами
Бедного Демьяна,
Пожалуйста, не дождитесь.
Словно с земли
Звонок. Входит Смолич
Юрий Корнеевич.
Прямо с вокзала.
Интеллигентно садится за стол,
Поглядывает, помалкивает.
Говорит Александр Петрович:
- Самовольно и грубо
Вписался Демьян
В сценарий жизни моей
Вместе с...
"С" остается без продолжения,
Пауза, тишь.
Вместо фамилии
Палец поднят
Стремительно ввысь
И там застывает.
Смолич покашливает, озираясь.
Щеки Довженко пылают маково.
Он привлекателен
В сдержанной ярости.
Нет усталости,
Нет старости.
Садится в кресло - повествователь.
- Через много лет
В двух соседних палатах
Одной известной больницы

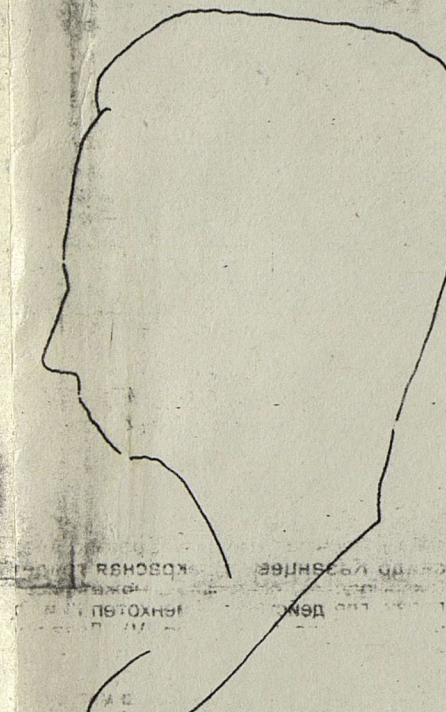
Ложим - я и Демьян,
Назвавший лету мою кулацкой.
Подходит ко мне, говорит
(За язык я его не танул):
- Не знаю, за что обругал я
Вашу прекрасную "Землю".
Ничего в жизни не видел
Лучше этой картинке...
Довженко искусно выдерживает паузу.
- Как вы думаете,
Что я ему ответил?
И Смолич, и я молчали,
Довженко же, как вначале,
Стал ходить по комнате.
- Я ничего не ответил, -
Сказал внезапно.
Он был прекрасен в эту минуту.
Одолов душевную смуту,
Он вернул нас к Десне,
Очарованной Десне,
К тихим вербам в голубизне,
К рыбацкой дремоте,
К закатной позолоте,
К армарочной неспроте.
"Куда так лесло спешит
Базарная общественность?"

Олеша

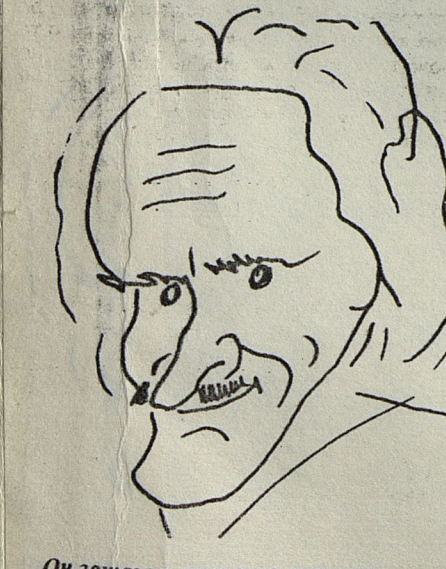
Он рванул на себе ворот рубашки
Так, что посыпались пуговицы.
- Что с вами, Юрий Карлович?
Не ответил,
Только сверкнул,
Нет, полоснул
Исподлобья большими глазами,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленой Черного моря
В час вечерний на Ланжероне.
Это глаза колдуня
Или врубелевского Пана,
Который сложил
Могучие руки,
А мог бы землю
Взвалить на плечи.
Долго молчал Юрий Олеша,
Вместе с ним и я молчал,
Подумывая, как бы ретироваться,
Уйти незаметно:
Человеку подчас нужно
Побыть в одиночестве,
Это не менее важно,
Чем дружеская беседа.
Наконец по комматной диагонали

Я наотрез отказался.
Вскоре я ушел из редакции.
Вернее - меня уволили
По собственному желанию.

Прошло почти полвека. Срамота.
Как будто я во всем был виноват.
Позор. Недавно пришивинский дневник
Я прочитал, и вновь тот день возник:
"Это был такой удар
По голове, что я заболел".
Писатель защитился тем, что он
Пять вариантов дал. И - недоволен.
Вспыл себя, ведь нет чужой вины,
И всех благодарил, кто помешал
Печать "Осудареву дорогу".
Мне снились сны, один скучней другого:
В вагоне еду, запахом цветов
Овеян, выхожу не там, где надо,
Иду по берегу, бросаю в реку
И выплыть не могу. "Сюда, сюда!" -
Кричит мне Пришвин. Ничего не слышу.
И просыпаюсь. И цветет сирень.
Листок пустился белая береза,
И соловей росу берет с листка.
И он поет. Ужели зря поет?

Довженко вернул нас к деду Семену,
Расскал про его старость
И как после смерти
На его лице улыбка осталась.
Улыбка после смерти!
Он не дождал до голодомора,
До головокружения от успехов,
Тем более до Чернобыля,
Случившегося в тишайших местах,
В царстве рыб,
В королевстве птах,
На земле Украины
Под сенью Щербицкого и Горбачева.
Довженко не дождал
До дней Чернобыля.
Да Десна, та Припять,
Тот Чернигов
Остались с ним.
- О Демьяне, кажется, все.
Па, я промолчал...
Это так теперь далеко,
Другая роль была у Сашко,
Моего улыбочного гонителя,
Премного пьес сочинителя,
У белозубого Корнейчука,
Как называл своего фаворита
Сам Сталин.
Вторично за этот вечер
Призносится это имя.
Пойдем дальше.
Прямо к чаю.
Вот и зовет нас
Юлия Ипполитовна.
Довженко, увидев ее, просиял.
Ах, Довженко!
Оленья шее.
Пристальный взгляд.
Тоска по неоплодотворенному,
Ускользнувшему, как вечерний свет.
Многое пережили,
Выпив чашу злосчастия до дна.
Экая милость! -
Не дождал до нынешних лет
И - какая удача -
Не увидев, во что превратилась
Его очарованная Десна.

Он зашагал, степенно сутулясь,
Одна его рука за спиной,
Другая за пазухой рваной рубашки.
Глаза полостули
По мне вторично.

Вдруг он остановился
И смотрит -
Не на меня, а куда-то в дальность:
- Я предложил одному журналу
Новую повесть, а может, роман
И прочитал небольшой отрывок.
И что же вы думаете? -
Пауза - заинтересовались?
Ничуть не бывало!
"Дайте нам "Зависть"! - они сказали.
"Зависть" написана", - я ответил...
А вы спрашиваете, "что с вами?"
"Что с вами?" - он повторил
И поднял кремнистый свой подбородок.

И подошел ко мне близко,
Очень близко, лицо к лицу,
Сказал торжественно и чеканно:
- Прошу запомнить - Юрий Олеша,
Невостребованный писатель...
И он опять заходил сурово
По комматной диагонали.
Теперь как пленник, или изгнанник,
Или как там на картине Ван Гога -
Урки, движущиеся по кругу,
Заключенному в тюремные стены.
Когда он стал уставать
От неистовства и от гнева,
Я уговорил его
Отправиться на прогулку.
Ему нужно рассеяние
И мне тоже -
Благодарному слушателю
Этого колдуня-рассказчика.
Выходим из ворот,
А в противоположные ворота
Везжает фургон.
Из него выпрыгивают, как десантники,
Телевизионные мастера:
Операторы, режиссеры, помощники,
Помощники помощников,
Освещатели и наблюдатели.
Люди путаются в проводах,
Вонзают в землю треноги,
Шумно оглядывают владения,
Усталые горожане на природе.
Они побывали в двух-трех владениях,
К Олеше не заходили,
Он выпал давно из обихода,
Назовите это опалой.
- Пошли быстрее отсюда! -
Вскрикнул Юрий Карлович
И резко свернул налево.
Он зашагал по-прежнему,
Ссутулясь и вместе с тем
Вскинув голову так,

Светлов

Тающий в небе ущербный месяц -
Это профиль поэта Светлова.
Краснела лаба и подбородок
Танцуют друг к другу,
А между ними умная улыбка
Екатеринославского уроженца.
- Я живу среди теней,
Обступивших меня,
Сидят все друзья моей юности,
Ничья уж нет.
- Что такое смерть? -
Спросил он.
И сам же ответил:
- Присоединение к большинству,
Сказал он мне за столиком
В шумном коктейль-холле,
Который он называл котельной.
Печальнейший из людей,
Он взялся их веселить
И прославил Ходжей Насреддином
Нашей поэзии.
Он пригубил коктейль,
Закурив и снова
Задал вопрос:
- Что такое поллитра?
И сам же ответил:
- Одна большая капля.
Светлов никогда не пил,
Но - запил.
- Почему полюбил я жидкость?
Во-первых, жид,
Кость - во-вторых.
Тем самым Светлов
Указывал на свою худобу.
В двадцать восьмом меня
Вызвали вдруг туда,
Жест указательным пальцем
Снизу вверх,
И сказали мне так:
Мы вас знаем.
"Гренада", "Пирушка",
Знайте и нас,
Помогите нам выловить
Этих троцкистов.
"Я сам троцкист", -
Выпала я.
Знаем, знаем,
Поэтому вам легче их обнаружить.
Пауза - свистящий полет
С высокой скалы в пропасть.
Завтра же в это время
Приходите, мы ждем ответа.
И пошел я домой с Лубянки.
Маялся, маялся, скорбел,
Не знал, куда себя ткнуть.
Спать лег - не спится,
Сел - не сидится,
Встал - не стою,
Что делать?
Промучился до утра
С грехом попалам, кое-как.
Приехал земляк,
Моей юности друг.
Не один - с бутылкой,
Не только с бутылкой -
С обильной закуской.

Выпили - стало легче.
Добавили - стало легко.
Еще добавили - к небу взлетели.
Тожебадали - жить прекрасно
В эту пору, в этой стране.
В назначенный срок
Пошел на Лубянку.
- Что ж, Светлов,
На ногах не стоите!
Пьяницы нам не нужны,
Прочь!
Меня прогнали -
Какой подарок.
Я шел домой -
И душа пела
И не желала
Играть в рифмы...
Простым способом
Так неожиданно,
Так случайно
Можно решить неразрешимое.
Власть с градами...

Светлов отпил из бокала
И опять закурил -
С охотой, самозабвенно,
Долго
Длилось его молчанье.
Очнувшись, он сказал:
- Слишком мрачно мы с вами
Поговорили сегодня,
Собственно, это я вас заговорил.
Отдохнем от острот.
Давайте пойдем по Москве,
По колючу бульваров.
Пойдем в Нескучный
И не будем думать о том,
Кто нас ждет за углом,
Даже если он
Нас действительно ждет.

Как умел он один на свете.
Он шел, написавший "Зависть",
Но не завидовавший богатым.
Отказывался от сидения

в президиумах,
От праздных речей
В присутствии руководства,
От престижных делегаций
И от многого другого,
Соблазнительного для большинства.
Он стал Франсуа Вийоном
Советского Средневековья.
Нищий для него привлекательней,
Чем сытый латифундист.
Лучше ни для без строчки,
Чем гостиница для интуристов.
Он писал в стол.
Когда я смотрел на других авторов,
То вспоминал, что они написали.
Когда я смотрел на Олешу,
Я думал о том, что им не написано.
И сейчас, в это мгновение,
Когда я об этом подумал,
Он снова приблизил свое лицо
К моему лицу
И глазами колдуня,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленой Черного моря,
Поглядел на меня
И сказал: - Юрий Олеша -
Невостребованный писатель.
Сказал еще чеканней, чем прежде.
Мы молча вошли в лес
И молча вышли из леса.
Заметно потемнела
Сумеречная завеса.
Олеша сказал:
- Я глядел вокруг,
И если правду сказать, мой друг,
Не понял ни черта, ни бельмеса.
- Что вы, Юрий Карлович!
- Молчать! Не надо
Меня успокаивать.
Беспокойство - моя специальность...

Когда мы входили в ворота
Дома, в котором жили,
Олеша восторженно вскинул голову:
- Смотрите, как вывозило!
И стал перечислять звезды,
Которые знал он
Не только по имени,
Но и отчеству и фамилии.

Светлов отпил из бокала
И опять закурил -
С охотой, самозабвенно,
Долго
Длилось его молчанье.
Очнувшись, он сказал:
- Слишком мрачно мы с вами
Поговорили сегодня,
Собственно, это я вас заговорил.
Отдохнем от острот.
Давайте пойдем по Москве,
По колючу бульваров.
Пойдем в Нескучный
И не будем думать о том,
Кто нас ждет за углом,
Даже если он
Нас действительно ждет.